

Е. В. Ерофеева
Екатеринбург, Россия

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА КОММУНИКАНТОВ В ВЫРАЖЕНИИ МЕНАСИВНОЙ И АВЕРТИВНОЙ СЕМАНТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОГО ДИСКУРСА)

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена анализу роли социального статуса коммуникантов в речевой ситуации угрозы и предупреждения. На примерах из французской литературы анализируется вариативность употребления языковых средств для передачи менасивной и авертивной семантики. Предпринимается попытка сопоставительного анализа способов выражения указанных речевых актов. Ситуативная вариативность речевых актов тесно связана со стратификационной вариативностью, которая обнаруживается в речевых различиях представителей разных социальных слоев, вызываемых их положением в обществе, классовой и профессиональной принадлежностью, образованием, возрастом, полом. Немаловажную роль играют и социальные роли участников коммуникации, определяющие речевое поведение последних, вносящие в речевое общение определенные социальные, обусловленные практикой свойства и регулирующие любое вербальное взаимодействие. Исследование фактического материала показало, что в зависимости от социально-психологического контекста находится также функционирование прямых и косвенных речевых актов. Делается вывод о том, что выбор способа выражения менасива и авертива прагматически мотивирован.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *социальный статус; ролевые отношения; менасивная и авертивная семантика; речевой акт угрозы и предупреждения; разговорная речь, французский дискурс; ситуативная и стратификационная вариативность высказываний; прямые и косвенные речевые акты.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Ерофеева Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой романских языков, Институт иностранных языков, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург; доцент кафедры иностранных языков, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург; адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: e.v.erofeeva@yandex.ru.*

При всей важности учета языковых средств выражения менасивной и авертивной семантики (т. е. семантики угрозы и предупреждения: от фр. «**menacer**» — угрожать и «**avertir**» — предупреждать) еще более важным является анализ функционирования таких высказываний в конкретной речевой ситуации. Обращение к анализу экстралингвистических факторов диктуется социальным характером коммуникативного процесса, поскольку речевая деятельность протекает не иначе как в социальных условиях. Таким образом, только прагматические параметры ситуации, соответствующие пресуппозиционные условия (кто, кому, при каких обстоятельствах, почему, зачем говорит) в сочетании с языковыми единицами позволяют говорящему наиболее точно передавать свое намерение, а слушающему безошибочно определять оттенок обращенного к нему побуждения в каждом конкретном случае.

Анализируемый нами материал подтверждает мысль о том, что общей сферой применения менасивных и авертивных высказываний является разговорная речь. Под разговорной речью обычно понимается устная разновидность национального языка, обусловленная такими экстралингвистическими характеристиками, как непосредственность, неофициальность, непринужденность общения. Однако многие исследователи указывают на неоднозначность термина «разговорная речь» [Сиротинина 1974; Девкин 1979; Скребнев 1985]. Дело в том, что под речью в лингвистике подразумеваются конкретные акты коммуникации, сам процесс общения, а термин «разговорная речь» обозначает функциональную разновидность языка. Подобной амбивалентностью характеризуется и синонимичный термин «разговорный язык», поскольку понятие «язык» требует

наличия автономной системы, включающей только ей присущую фонетику, лексику и грамматику. Под термином «разговорный язык» следует понимать функциональную подсистему общенационального языка, используемую при неофициальном повседневном общении; термин же «разговорная речь» объединяет речевые акты (далее РА), протекание которых обусловлено совокупностью вышеуказанных экстралингвистических условий.

Непринужденность устной разговорной речи выражается в отсутствии официальных отношений между коммуникантами, что делает возможным применение лексики из бытовой тематики при общении. Неофициальность должна восприниматься как отсутствие у говорящих установки на употребление каких-либо обязательных языковых форм, своеобразное пренебрежение к разному рода предписаниям правильной, «образцовой» речи. Наконец, непосредственность разговорной речи связана с тем, что говорящие не разделены ни пространственными, ни временными преградами, они находятся в прямом контакте, и это предопределяет диалогическое построение речи, или обмен информацией посредством чередования реплик. Следствием последнего является спонтанность разговорной речи — отсутствие предварительного обдумывания материала и его обработки. Однако неподготовленность, непродуманность реплик в то же время как бы заранее детерминирует стереотипность РА, состоящую в предпочтении устойчиво повторяющихся построений, определяемых исследователями в качестве шаблонных фраз [Шведова 1960], клише [Девкин 1979], речевых штампов [Лаптева 1972], стереотипов [Земская 1979]. Л. П. Якубинский писал по этому поводу, что «говорение в связи с определенными шаблонами

быта влечет образование целых шаблонных фраз, „прикрепленных“ к данным бытовым положениям и темам разговора» [Якубинский 1986: 49].

Употребление тех или иных языковых средств при оформлении высказывания находится в прямой зависимости от ситуации общения, что отражается в ситуативной вариативности высказываний. Ситуативная вариативность тесно связана с так называемой стратификационной вариативностью, которая обнаруживается в речевых различиях представителей разных социальных слоев, вызываемых их положением в обществе, классовой и профессиональной принадлежностью, образованием, возрастом, полом. Оба эти вида социальной вариативности настолько тесно связаны и взаимообусловлены, что А. Д. Швейцер предлагает говорить о стратификационно-ситуативной вариативности со стратификационно-ситуативными переменными [Швейцер, Никольский 1978: 39].

Отсюда ведет начало и употребление взятых из социологии терминов «статус» и «роль»: под статусом понимается совокупность постоянных, а также социально-демографических характеристик коммуникантов, а роль означает «способ поведения», детерминированный социальной ситуацией» [Там же: 78]. Социальная же ситуация трактуется как сложное целое, включающее в себя производителя и адресата речи, их социально-демографические признаки, ролевые отношения, обстановку совершения РА, тему. Социальные ситуации общения могут быть стандартными и вариативными. В первых использование языковых средств жестко регламентируется речевым этикетом, во вторых оно зависит от обстановки общения, здесь диапазон языковых средств не имеет строгих ограничений. Вариативная ситуация отмечается непринужденной атмосферой общения, неофициальными отношениями коммуникантов, тогда как стандартной ситуации присуща официальность. Л. П. Крысин различает еще симметричные и асимметричные ситуации общения: участники симметричных ситуаций имеют «одинаковые социальные признаки, равное социальное положение, примерно одинаковый возраст, один и тот же пол» [Крысин 1976: 49], тогда как участники асимметричных ситуаций общения различаются хотя бы по одному из указанных признаков.

Возрастающий интерес исследователей к ролевой и статусной теории повлек за собой разработку всевозможных классификаций ролей и позиций. При этом ролевые отношения могут осуществляться на равных условиях или, наоборот, с подчинением одного коммуниканта другому [Жданова 2010: 92]. О. С. Иссерс отмечает, что несимметричная позиция коммуникантов может выражаться в двух ипостасях: сильной и слабой. Последняя требует от коммуниканта приложения максимума «коммуникативных усилий», чтобы добавить себе и своей речи большей респектабельности [Иссерс 2006: 128].

Наш материал — диалогические побудительные реплики — в подавляющем большинстве случаев представлен примерами таких речевых ситуаций, которые не предполагают особых ритуалов и регламентов осуществления РА побуждения. Эти ситуации соотносятся с личным, уст-

ным и, как правило, неофициальным общением, где говорящий имеет право выбирать конкретный способ оформления своего высказывания.

Так, если рассмотреть наши примеры с точки зрения межличностных параметров участников общения, выделяемых в речевой ситуации, то окажется, что они неоднозначны: говорящий и слушающий не связаны только иерархическими, функционально-статусными отношениями волеизъявления — волеисполнения. Между ними, напротив, существуют или возможны некоторые иные отношения личного, неофициального характера: родственные, дружеские, товарищеские, коллегиальные и прочие.

Н. В. Готлиб, изучая реализацию принципа вежливости в конфликтных РА, различает еще социально-нормативные и антисоциальные ситуации. В социально-нормативных ситуациях субъект волеизъявления (говорящий) является полноправным членом общества и подчиняется принятым в этом обществе законам, тогда как инициатор высказываний в антисоциальных ситуациях противопоставляет себя обществу и выступает в антисоциальной роли гангстера, бандита и т. п. [Готлиб 1989: 88].

Рассмотрим речевую вариативность выражения угрозы и предупреждения в некоторых наиболее распространенных коммуникативных ситуациях, выделяемых на основе перечисленных параметров.

РА угрозы, реализуемый чаще всего в антисоциальных ситуациях, подразумевает распределение ролей по схеме *говорящий — «преступник», слушающий — «жертва»*, где целью — мотивом «преступника» — является изменение положения дел в свою пользу. При этом удовлетворение его интересов связано с попранием права другой личности и опирается на «право сильного». В цитируемом ниже примере генерал Фроман, герой романа К. Арноти «Друг семьи», незаконно пришедший к власти во время путча, обращается с воззванием к населению:

(1) — *A divers endroits dans les villes, des camions bourrés d'explosifs attendent mon signal. Au moindre mouvement hostile de la population, ces camions exploseront aux points névralgiques des villes. Chacun de vous peut provoquer sa mort et celle de centaines de personnes. Si vous restez calmes, rien ne vous arrivera. Ne cherchez pas demain les journaux. On en a fini avec le règne impudent de la presse...* [Arnothy: 21] / *В разных городах грузовики, нагруженные взрывчаткой, ждут моего сигнала. При малейшем враждебном движении со стороны народа эти грузовики взорвутся в указанных точках городов. Каждый из вас может спровоцировать свою собственную смерть, а также смерть сотен человек. Если вы будете сохранять спокойствие, ничего не случится. Не ищите завтра газеты. Мы покончили с циничным правлением прессы.*

В данном случае субъект и объект воздействия (народ) не связаны какими-либо межличностными взаимоотношениями. В языковом отношении двучастная структура РА угрозы представлена в «расчлененном виде», т. е. требование и негативные последствия выражаются разными предложения-

ми (которые, в свою очередь, разделены дистантно).

Социально-нормативные ситуации предполагают опору не на «право сильного», а на другие виды прав, предоставляемых говорящему ввиду его привилегированного социального положения, возраста, главенствующего положения в иерархии семейных отношений. Угроза может применяться должностным лицом с превентивной целью — предотвратить возможное неподчинение. В следующем примере руководитель предприятия обращается к служащим:

(2) — **A partir d'aujourd'hui je ne tolérerai plus aucun incident — ai-je dit. Notre production commence à en être affectée et je ne saurais le tolérer. C'est vous qui, pour finir, en souffrirez le plus. — Ceux d'entre vous qui ne seront pas au travail demain matin seront immédiatement renvoyés chez eux** [Exbrauat :57]. / *С сегодняшнего дня я не потерплю больше никаких инцидентов, — сказал я. Это сказывается на производстве, и я не смогу с этим мириться. В конце концов, сильнее всего от этого пострадаете именно вы. Те из вас, кто не придет на работу завтра утром, будут немедленно уволены.*

Эта ситуация опирается на санкционированные обществом правила: служебное положение начальника по отношению к рабочим дает ему право на употребление РА угрозы.

Иерархия семейных отношений включает, например, взаимоотношения детей и родителей. Иногда в целях регуляции поведения детей возможно употребление того или иного наказания, а следовательно, и угрозы. Например, мать обращается к ребенку, который капризничает в общественном месте:

(3) — **Si monsieur n'est pas sage, il va prendre une rondinée ce soir** [Fallet: 192]! / *Если мсье не будет паинькой, он получит сегодня вечером трепку.*

Возможен и обратный вариант, т. е. применение угрозы детьми по отношению к родителям. Такая ситуация способствует неблагоприятно эмоционально-психологического фона взаимоотношений в семье. Полагая, что родители будут страдать, если что-то случится с их детьми, младшее поколение использует родительские чувства как средство оказания давления. Например, в следующем примере выздоравливающий сын заявляет своей матери, которая вновь начинает неприятный для него разговор:

(4) — **Maman, je retombe dans le coma, si tu continues** [Arnothy: 331]. / *Мама, я снова впаду в кому, если ты не перестанешь.*

В ситуации общения между близкими людьми говорящий может угрожать собеседнику и через нанесение ущерба самому себе, рассматривая этот также и как ущерб для адресата. Так, например, молодой человек обращается к знакомой девушке:

(5) — **Si tu pars, je vais me casser le bras** [Exbrauat: 73]! / *Если ты уйдешь, я сломаю себе руку!*

Иерархия взаимоотношений по возрасту в какой-то степени связана с типом взаимоотношений между детьми и родителями и направлена на коррекцию поведения. Например, в цитируемом

ниже высказывании хозяин дома кричит расшалившимся детям:

(6) — **Si vous ne vous arrêtez pas de crier en jouant autour de la maison, je vais vous mettre une distribution, les gosses** [Fallet : 215]! / *Если вы не перестанете кричать, играя возле дома, я вам задам, пацаны!*

РА угрозы может употребляться в качестве ответной реакции на предпринятое (реальное или предполагаемое) действие адресата. Ситуация угрозы в данном случае опирается на желание говорящего защитить свои права от посягательства:

(7) — **Je ne vous laisse pas le choix! Elle sortit le revolver et s'éloigna de lui. — Moi non plus, je ne vous laisse pas le choix** [McReynolds: 142]! / *Я не оставляю вам выбора!*

Она достала револьвер и отодвинулась от него.

— *Я тоже не оставляю вам выбора!*

Действие героини в сложившейся ситуации (использование оружия) оправданно, так как она использует право на самооборону.

Анализируя ситуативную вариативность РА угрозы в целом, можно отметить, что при обращении к нижестоящему (в любой иерархии: социальной, семейной, возрастной) преобладают формы императива, нередко сопровождаемые постпозиционным элементом (*c'est clair?*, *compris?* и т. п.). К специфическим приемам выражения угрозы во французском языке можно отнести а) использование модальных глаголов *vouloir*, *pouvoir* для выражения побуждения; б) частое использование риторических вопросов с союзом *si*.

Мотивом побуждения, выраженного в предостережении, является стремление говорящего предотвратить опасную или явно невыгодную для адресата ситуацию, поэтому РА предупреждения может встречаться при любой ролевой структуре коммуникативной ситуации. Предупреждение реализуется чаще всего в социально-нормативных ситуациях, где роли распределяются по следующей схеме: говорящий — «спаситель», слушающий — «жертва», и целью спасителя является попытка побудить жертву не совершать некоторого действия в силу его неблагоприятности для говорящего. Намерение говорящего, таким образом, подразумевает положительную бенефактивность. Так, в приводимом ниже примере в роли «спасителя» в силу своего профессионального долга выступает адвокат:

(8) **L'avocat: — Si votre union présumée avec une jeune femme n'était pas une solidité, la secte vous attaquerait. N'oubliez pas aussi, qu'en cas de mariage avec une étrangère, l'office d'immigration lancera une enquête...** [Arnothy: 45] / *Адвокат: — Если ваш предполагаемый союз с молодой женщиной не был надежным, секта будет вас атаковать. Не забывайте также, что в случае брака с иностранкой бюро по иммиграционным делам начнет следствие...*

Очевидно, что РА предупреждения является более уместным при обращении старшего по статусу (по возрасту, социальному положению) к младшему при близкой психологической дистанции и в непринужденной обстановке общения. Однако в ситуации непосредственной опасности

для адресата роль спасителя может взять на себя любое лицо, независимо от его статуса, положения в обществе, возраста и т. п. Например, маленький мальчик, зная о готовящемся нападении, считает себя вправе предупредить комиссара Мергрэ:

(9) — *Vous feriez mieux de faire attention, monsieur le commissaire* [Simenon: 578]! / *Вам лучше быть осторожным, господин комиссар!*

Наличие опасности объясняет модус уверенности говорящего относительно исполнения адресатом предсказуемого действия и освобождает от речевых стратегий убеждения, мотивировок и аргументации своего побуждения [Maingueneau 1999]. В языковом выражении такие РА часто содержат аподозиса (термин из теории текста, используемый здесь для обозначения той части семантической модели РА, которая выражает негативные последствия). Иначе говоря, они представляют собой косвенные РА предупреждения с количественной трансформацией семантической модели [Ерофеева 2013]:

(10) — *Attention! — cria-t-il. — Cache-toi vite! (J'ai entendu le faible ronronnement. Le bruit s'amplifie peu à peu: le moteur de la voiture...)* [Terrel: 174] / *Осторожно! — крикнул он. — Прячься быстро! (Я услышал слабый гул. Шум потихоньку усиливался: мотор автомобиля...)*

Подводя итог вышесказанному, отметим, что диалогическое общение строится по гибким моделям. Для того чтобы правильно строить высказывания, учитывая конкретные условия общения, необходимо владеть принципом вариативности, позволяющим «выбирать адекватные средства выражения мыслей и чувств, подходящие темы для разговора, эффективные в данных условиях общения тактические приемы достижения желаемого результата» [Тарасова 1992: 49]. К факторам, регулирующим появление в речи того или иного варианта, следует отнести возраст и образование говорящих, их социальный статус, официальность или близость отношений. Выбор способа выражения менасивов и авертивов прагматически мотивирован. Высказывание строится в зависимости от индивидуальных мотивов и целей говорящего, от социальных условий общения, от индивидуально-личностных характеристик коммуникантов, объема их знаний, уровня воспитанности. Важную роль при построении высказываний с угрозой играет фактор ролевых отношений между коммуникантами. Анализ коммуникативных ситуаций, в которых реализуется значение угрозы и предупреждения, показал, что менасив чаще всего используется в так называемых антисоциальных ситуациях, представляющих конфликтный тип взаимодействия. Авертив, исполненный положительной бенефактивности в адрес слушающего, более уместен в социально-нормативных ситуациях. Роль «спасителя», принадлежащая говорящему, ослабляет значение фактора ролевых отношений (социальный статус, образование, возраст, положение в семейной иерархии) между коммуникантами.

В заключение необходимо добавить, что социально-психологический контекст влияет на выбор коммуникантами прямых и косвенных способов выражения менасива и авертива. Употребле-

ние прямых РА в антисоциальных ситуациях обусловлено сознательным отказом говорящего от соблюдения общественно приемлемых форм поведения, а следовательно, и от необходимости воплощения «невежливых» коммуникативных целей в виде «вежливых» косвенных форм. В социально-нормативных ситуациях употребление прямых РА обосновывается наличием у говорящего определенного вида «права» на нарушение норм поведения (более высокий социальный статус, социально оправданная цель). В случае отсутствия у говорящего подобного «права», в ситуации речевого взаимодействия функционируют косвенные формы. Употребление косвенных форм вызвано желанием говорящего избежать открытого конфликта и «конформировать» с нормами общественного поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Готлиб Н. В. Семантико-прагматические особенности высказываний, не допускающих экспликации перформатива : дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1989.
2. Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь: синтаксис и лексика. — М. : Международные отношения, 1979.
3. Жданова Е. В. Личность и коммуникация: практикум по речевому взаимодействию. — М. : Флинта : Наука, 2010.
4. Ерофеева Е. В. Прагматические аспекты речевых актов различной коммуникативной направленности в современном французском языке. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2014.
5. Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. — М. : Русский язык, 1979.
6. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 4-е изд., стер. — М. : КомКнига, 2006.
7. Крысин Л. П. Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования. — М. : Наука, 1976. С. 42—52.
8. Лантева О. А. Изучение русской разговорной речи в отечественном языкознании последних лет // Вопросы языкознания. 1972. № 2. С. 35—47.
9. Скребедев Ю. М. Введение в коллоквиалистику. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1985.
10. Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности : учеб. пособие. — М. : Просвещение, 1974.
11. Тарасова И. П. Речевое общение, толкуемое с юмором, но всерьез : пособие по самообразованию (для изучающих англ. язык). — М. : Высшая школа, 1992.
12. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. — М. : Изд-во АН СССР, 1960.
13. Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социалингвистику. — М. : Высшая школа, 1978.
14. Якубинский Л. П. Избранные работы. Язык и его функционирование. — М. : Наука, 1986.
15. Arnothy Ch. L'ami de la famille. — Paris : B — Grasset, 1984.
16. Arnothy Ch. Voyage en noce. — Paris : Plon, 1994.
17. Exbrayat. Espion, où es-tu, m'entends-tu? — Paris : Librairie des Champs-Élysées, 1992.
18. Fallet R. La soupe aux choux. — Paris : Denoël, 1980.
19. McReynolds G. L'Etoile bleue. U.G.E. Poche Passion, 1995.

20. Maingueneau D. L'énonciation en linguistique française. — Paris : Hachette, 1999.

21. Simenon G. Pedigree // Tout Simenon 2. — Paris : Presse de la Cité, 1988.

22. Terrel A. Le témoin est à la noce. — Paris : Librairie des Champs-Élysées, 1984.

E. V. Erofeeva
Yekaterinburg, Russia

THE ROLE OF THE INTERLOCUTORS' SOCIAL STATUS IN EXPRESSING MENACE AND WARNING (a study of French discourse)

ABSTRACT. *The article analyzes the role of the interlocutors' social status in the communicative situation of menace and warning. The diversity of language means used to express menace and warning are analyzed by way of examples found in French literature. The author attempts to give a comparative analysis of the means of expression of the above mentioned speech acts. Situational diversity of speech acts is closely associated with stratificational diversity found in the speech differences of the representatives of different social groups; those differences result from an individual's social status, social class and profession, education, age and sex. The interlocutors' social roles play an important part, determine the interlocutors' verbal behavior, impart to the communication of some specific properties related to society and practice, and regulate any verbal interaction. The study of factual material shows that the functioning of direct and indirect speech acts also depends on the social and psychological context. It is concluded, that the choice of the means to express menace and warning is pragmatically motivated.*

KEY WORDS: *pragmatics; social status, role relationships; semantics of menace and warning; speech act of menacing and warning; informal language, French discourse; situational and stratificational diversity of expression; direct and indirect speech acts.*

ABOUT THE AUTHOR: *Erofeeva Elena Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of Romance Languages, Institute of Foreign Languages, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia; As-sociate Professor of Department of Foreign Languages, Ural State Economical University, Yekaterinburg, Russia.*

LITERATURE

1. Gotlib N. V. Semantiko-pragmaticheskie osobennosti vyskazyvaniy, ne dopuskayushchikh eksplikatsii performativa: Dis... kand. filol. nauk. -L., 1989. -197 s.

2. Devkin V. D. Nemetskaya razgovornaya rech': Sintaksis i leksika. — M. : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1979. — 256 s.

3. Zhdanova E. V. Lichnost' i kommunikatsiya: praktikum po rechevomu vzaimodeystviyu. M. : Flinta: Nauka, 2010. — 176 s.

4. Erofeeva E. V. Pragmaticheskie aspekty rechevykh aktov razlichnoy kommunikativnoy napravlenosti v sovremennom frantsuzskom yazyke. — Ekaterinburg: Izd-vo Ur.gos.ped.un-ta, 2014.- 286s.

5. Zemskaya E. A. Russkaya razgovornaya rech': Lingvisticheskiy analiz i problemy obucheniya. — M. : Russkiy yazyk, 1979. — 240 s.

6. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. — 4-e izd., stereotip. — M. : KomKniga, 2006. -288 s.

7. Krysin L. P. Rechevoe obshchenie i sotsial'nye roli govoryashchikh // Sotsial'no-lingvisticheskie issledovaniya. — M. : Nauka, 1976. — S. 42-52.

8. Lapteva O. A. Izuchenie russkoy razgovornoy rechi v otechestvennom yazykoznanii poslednikh let // VYa AN SSSR, 1972. — № 2. — S. 35-47.

9. Skrebnev Yu. M. Vvedenie v kollokvialistiku. — Saratov: Izd-vo sarat. un-ta, 1985. — 210 s.

10. Sirotinina O. B. Sovremennaya razgovornaya rech' i ee osobennosti: Uchebnoe posobie. — M. : Prosveshchenie, 1974. — 144 s.

11. Tarasova I. P. Rechevoe obshchenie, tolkue-moe s yumorom, no vs'er'ez: posobie po samoobrazovaniyu (dlya izuchayushchikh angl. yazyk). — M. : Vysshaya shkola, 1992. — 173 s.

12. Shvedova N. Yu. Ocherki po sintaksisu russkoy razgovornoy rechi. — M. :Izd-vo AN SSSR, 1960. — 337 s.

13. Shveytser A. D., Nikol'skiy L. B. Vvedenie v sotsiolingvistiku. — M. : Vysshaya shkola, 1978. — 216 s.

14. Yakubinskiy L. P. Izbrannye raboty. Yazyk i ego funktsionirovanie. — M. : Nauka, 1986. — 205 s.

15. Arnothy Ch. L'ami de la famille. — Paris: B — Grasset, 1984. — 348 p.

16. Arnothy Ch. Voyage en noce. — Paris: Plon, 1994. — 396 p.

17. Exbrayat. Espion, où es-tu, m'entends-tu? — Paris: Librairie des Champs-Élysées, 1992.- 191 p.

18. Fallet R. La soupe aux choux. — Paris: Denoël, 1980. — 236 p.

19. McReynolds G. L'Etoile bleue. U.G.E. Poche Passion, 1995. — 154 p.

20. Maingueneau D. L'énonciation en linguistique française. — P.: Hachette, 1999. — 156 p.

21. Simenon G. Pedigree // Tout Simenon 2. — Paris: Presse de la Cité, 1988. — 894 p.

22. Terrel A. Le témoin est à la noce. — P.: Librairie des Champs-Élysées, 1984. — 187 p.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.